

УДК 82-311.6

**АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И СЕРАФИМ СЕРЫЙ
(КОММЕНТАРИЙ К ОДНОМУ ОБРАЗУ ТРИЛОГИИ СУХБАТА АФЛАТУНИ
«ПОКЛОНЕНИЕ ВОЛХВОВ»)**

© 2018 г.

А.В. Емелина

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

annasheyla@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.04.2018

Рассматривается вопрос о прототипе героя трилогии Сухбата Афлатуни «Поклонение волхвов» (роман «Мельхиор»). Особое внимание уделяется понятиям «прототип» и «литературный герой». Проанализирована семантика имени, выявлена связь с биографией поэта на основе автобиографической трилогии и воспоминаний современников Андрея Белого (З. Гиппиус, Н. Оцупа, И. Эренбурга), сюжетно-композиционная роль персонажа. В результате проведенного анализа сделан вывод о том, что в трилогии создается образ, гармонично сочетающий в себе вымышленные черты и черты реального человека.

Ключевые слова: Сухбат Афлатуни, трилогия «Поклонение волхвов», прототип, Андрей Белый, литературный герой, Серафим Серый.

Основой трилогии Сухбата Афлатуни «Поклонение волхвов», части которой названы именами библейских волхвов: «Гаспар», «Мельхиор», «Балтасар», стала история семьи Триярских, показанная через основные исторические события XIX–XX веков. Главные герои трилогии – Николай Петрович Триярский, отец Кирилл Львович Триярский (племянник Николая Триярского), Николай Кириллович Триярский (сын о. Кирилла) – являются либо их непосредственными участниками, либо наблюдателями.

Герои Сухбата Афлатуни – люди искусства, они пребывают в состоянии духовного поиска и выражают себя и свое время в творчестве. Триярские – создатели новых, экспериментальных произведений, которым, к сожалению, не уготована долгая жизнь: они погибают вместе со своими создателями.

Сухбат Афлатуни показывает творческую среду, в которой его герои вынашивают замыслы своих творений. В ней есть и конъюнктуристы, выполняющие социальный заказ, как, например, Рудольф Карлович Бежак, создавший оперу «Прощай, паранджа», чтобы «угодить» советской власти. Или, к примеру, композитор Чайковский-младший, «творец популярных вальсов» [1], постоянно находящийся в тени своего знаменитого однофамильца и пытающийся создать оригинальную музыку для постановки «Гамлета» в интерпретации великого князя Николая Константиновича Романова. Однако в трилогии есть герои-творцы, порожденные эпохой, соотносимые со своим историческим временем. Эти образы собирательные, явно отсылающие читателя к реальным историче-

ским лицам. Одним из таких персонажей является Серафим Серый. Он появляется во 2-й и 3-й частях трилогии и становится своего рода летописцем, хроникером жизни Триярских, так как создает роман о членах этой семьи. Он прослеживает историю фамилии от поколения к поколению, тем самым помогает им осознать родовое предназначение.

В образе Серафима Серого прочитываются черты поэта Бориса Бугаева (Андрея Белого). По воспоминаниям поэта, псевдоним был придуман Михаилом Соловьевым, братом знаменитого философа Владимира Соловьева: «Наконец в 1901 году появился на белом свете Андрей Белый, все более вытесняя Бориса Бугаева. Кстати, в этом я не повинен; его придумал Михаил Сергеевич Соловьев...» [2].

Проанализируем семантику имен.

В переводе с греческого «Андрей» означает муж, мужчина, храбрый. У имени есть и библейский смысл. Андрей Первозванный – так звали апостола, первым призванного Христом. А белый цвет – это многозначный символ во все времена и у всех народов. Главное и исходное его значение – светлый, в противоположность чему-нибудь более темному, именуемому черным, свет, чистота, духовность, цвет, вбирающий в себя весь спектр цветов [3], чистый, незамаранный, незапятнанный [4].

Имя персонажа, вводимое в текст, всегда имеет семантическую и информационную насыщенность. В контексте библейского названия трилогии неудивительно имя героя. В переводе с древнееврейского Серафим означает «Огненный», «Огненный ангел». И герой в полной мере оправ-

дывает его. Серафим Серый был «...машиной, рождавшей теории» [1], «...религиозный журналист с уклоном в теософию».

Значима и фамилия героя – Серый, указывающая на цвет пепла и дыма [3], примесь черного, темного к белому [4]. Но любой цвет может быть прочтен как слово или истолкован как сигнал, знак или символ. В переносном значении «серый» – это посредственный, ничем не замечательный [3], цвет нейтралитета, он не выражает ни внешних, ни внутренних качеств. О герое трилогии этого сказать нельзя. Серафим Серый – это харизматичная личность, привлекающая к себе внимание всех присутствующих. Им восхищаются, его боготворят. Он полиглот, ученый, писатель, никого не оставляющий равнодушным, как и его прототип – Андрей Белый. Между ними можно найти немало общего.

Рассмотрим биографические параллели.

Знакомство главного героя романа «Мельхиор» Кирилла Львовича Триярского с Серафимом Серым произошло в Германии, куда главный герой отправился в поисках вдохновения: «...они познакомились там же, в Мюнхене, в одном из ресторанчиков: взмахнув рукавами, Серый взмыл из-за своего столика и опустился возле него; слизнув пивную пену, засвистел афоризмами... Кирилл заболел – Серый узнал, прибежал, как заботливая мать; Кирилл пошел на поправку. Стали видеться каждый день, спорить о живописи; спорил в основном Серый – сам с собой, опровергая цитатами из Канта, Бюхнера и своей последней статьи» [1]. Перед нами прямая отсылка к судьбе Андрея Белого. Известно, что в автобиографической трилогии поэт описывает свою поездку в Мюнхен и знакомство со многими интересными личностями. Например, Станиславом Пшибышевским.

Все, кто знал Белого, отмечали его удивительную, словно бы неземную красоту, глубокие синие глаза, обрамленные темными густыми ресницами, и светлые, белокурые волосы, с которыми поэт казался еще совсем мальчишкой. Зинаида Гиппиус так писала об Андрее Белом: «Удивительное это было существо... Вечное играние мальчика, скошенные глаза, танцующая походка, бурный водопад слов... вечное вранье и постоянная измена. В нем было что-то одухотворенное, притягательное, странное, что сильно влекло к нему женщин» [5].

А вот как автор описывает внешность героя: «У Серафима – круглые безволосые щеки и невозможный характер». «У него было безволосое тело андрогина, тонкая кость, и – живот. Когда молчал, казался даже безобразен. Но он почти никогда не молчал. Он был старше Кирилла на каких-то три года. Знал двенадцать живых язы-

ков и еще больше мертвых... разгуливал по комнате голым и рассуждал о византийском искусстве. Или о Вагнере – мычал, дирижировал; живот трясся» [1]. Перед нами возникает явно антиэстетический образ: в этом мужчине не чувствуется мужского начала, при этом автор отмечает обаяние этого человека.

И. Эренбург: «Огромные, широко разверстые глаза, бушующие костры на бледном, изможденном лице. Непомерно высокий лоб, с островками стоящих дыбом волос. Читает он – будто Сивилла вещающая, и, читая, руками машет, подчеркивая ритм не стихов, но своих тайных помыслов. Это почти что смешно, и порой Белый кажется великолепным клоуном» [6].

Н. Оцуп вспоминает: «Белый держится, наклонясь вперед, под углом, как будто сейчас побежит на собеседника» [6]; «Среди современников Белого мало кто, говоря о нем, не обмолвится: «чудак»» [6]; «Во всем, в каждом жесте, в интонациях, в выборе слов, в деятельности писательской и научной, во всем решительно Белый был всегда и сейчас остался беспокойнейшим из существ» [6].

Во время своих выступлений «Серафим делает паузу. Он любит делать паузы, зависающие над зарослями афоризмов и пропастями парадоксов» [1], что всегда производит неизгладимое впечатление на слушателей (собеседников). Правда, многие считают его чудаковатым. Это роднит героя с оригиналом.

Неудивительно, что очень много общего мы находим и в речевой характеристике героя и его прототипа. Например, Серафим употребляет в своей речи слова, подобные тем, которые слышал Боря Бугаев в детстве: «У Николая Васильевича растет сын – идиотиком» [2]. «Ша-ша-ша», «антраша» – эти слова в жизни употреблял Николай Ильич Стороженко, друг семьи Бугаевых: «... Стороженку любил я совсем за другое: за пляс его добродушный: шашаша-антраша» [2], в романе – это любимая присказка полицейского Мартына Казадупова.

Личность Андрея Белого весьма интересна: в ней отразились метания и увлечения русской интеллигенции Серебряного века – от христианства к масонству и антропософии. Поэт, учась в гимназии, увлекался буддизмом, оккультизмом, одновременно изучал литературу. Особенно его привлекало творчество Достоевского, Ницше, Ибсена, французских и русских символистов (Бальмонта, Брюсова, Мережковского).

В течение жизни Андрей Белый пытался найти себя: поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, окончил обучение с отличием, затем решил продолжить обучение на ис-

торико-филологическом факультете, но не завершил его. Отправившись в путешествие, посетил разные страны: Сицилию – Тунис – Египет – Палестину («Путевые заметки»). Поэт работал не только над лирическими произведениями, но и над серьезными филологическими исследованиями по теории стиха.

Серафим Серый также увлекался всеми новомодными направлениями и течениями, он мог пробыть некоторое время в католическом монастыре, а потом тут же сорваться и уехать на Восток, познавать истину. «Серый носился по миру, хрустя впечатлениями, как крендельками, посыпанными солью, печатая брошюрки, читая лекции и формируя из истеричек целые армии, марширующие к лиловому солнцу антропо-, тео- и прочей софии» [1].

Сходство есть даже в личной жизни героев. В течение жизни Андрей Белый был участником двух «любовных» треугольников: В. Брюсов – А. Белый – Нина Петровская и А. Блок – А. Белый – Любовь Менделеева.

Отношения Брюсова, Белого и Нины Петровской вдохновили Валерия Брюсова на создание романа «Огненный ангел» (тем самым еще раз обыгрывается имя героя трилогии).

Серафим называет отца Кирилла «Мой очень близкий, интимный друг... У нас были самые чистые отношения...» [1]. Может показаться, что говорится о платонических чувствах. Интимный, согласно словарю Даля, «близкий, короткий, тесный, душевный, сердечный, искренний» [4]. Однако по мере развития сюжета возникают совершенно другие представления о необычных отношениях Серафима с семьей Триярских: «Серафим часто бывал у них... Иногда оставался на ночь... ораторствовал во сне... Иногда Серафим скребся и просил платонически с ними полежать. Плюхался, холодный, как медуза, рядом» [1]. Но прямого указания на любовный треугольник нет.

К Андрею Белому также отсылает читателя и увлеченность мистическими практиками героя. Безусловно, мистицизм стал чертой, определившей эпоху рубежа веков. И в этом Андрей Белый был уникален. Он был знаком с Рудольфом Штейнером, эзотериком, мистиком, оккультистом, доктором философии, основоположником антропософии и даже стал его последователем.

Андрей Белый в жизни сталкивался с автоматическим письмом: «...указывает на два почерка: крупный и бисерный, мелкий; и говорит: – «Это автоматическое письмо»... какая-то полусумасшедшая Шмидт в Нижнем Новгороде возомнила себя «мировой душой», которая-де инспирировала покойного Соловьева...» [7].

Серафим был знаком с Уильямом Стэдом, реально существовавшим человеком, открыв-

шим метод автоматического письма при общении с духами. Герой обучился этому методу и даже стал «проводником» в общении с умершей женой Кирилла Триярского Муткой (Марфой): от ее имени писал письма, которые помогали отцу Кириллу переносить непростую жизнь в Ташкенте.

К Стэду обращается Серый, когда задумывает писать книгу о петрашевце Николае Триярском. В третьем романе трилогии «Балтазар» мы узнаем, что книга была написана и издана: ее читает дочь главного героя Варя и отсылает отцу в Дуркент интересные, по ее мнению, отрывки из книги.

Серый настолько проникается учением Стэда, что даже «приобретает» дар предвидения: Серафим предсказывает гибель Стэда (Стэд был в числе пассажиров «Титаника»).

Елена Иваницкая, рецензируя трилогию Сухбата Афлатуни, увидела в образе Серафима Серого намек на образ Гэндальфа Серого, одного из центральных персонажей легендарного Джона Р.Р. Толкина, в частности, повести «Хоббит, или Туда и обратно» и романа «Властелин Колец», упоминаемого также в посмертно изданном произведении «Сильмариллион» и некоторых других работах Толкина [8].

На наш взгляд, подобная аналогия возникла из-за сходства фамилии и прозвища персонажей, означающих цвет: Андрей Белый – Гэндальф Серый, впоследствии Гэндальф Белый.

Проанализировав источники возникновения образа, семантику имени, сюжетно-композиционную роль, можно сделать вывод, что Сухбату Афлатуни удалось создать образ, гармонично сочетающий в себе вымышленные черты и черты реального человека. Образ Серафима Серого получился живым, запоминающимся, образом человека Серебряного века, немного экзальтированного мистика-писателя. Привлекает внимание оксюморонность сочетания имени и фамилии: огненный пепел, что как нельзя лучше, точнее описывает сущность героя. Включение образа Серафима Серого в трилогию дает Афлатуни возможность передать общий психологический фон произведения, помогает настроить читательское восприятие на определенный лад, расширяет и уточняет пространственно-временной план произведения.

Список литературы

1. Афлатуни С. Поклонение волхвов. М.: РИПОЛ классик, 2016. 720 с.
2. Белый А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. В 3 кн. Кн. 1 / Редкол.: В. Вацуро, Н. Гей, Г. Елизаветина и др.; Вступ. статья, подгот. текста и коммент. А. Лаврова. М.: Худож. лит., 1989. 543 с., ил., портр. (Литературные мемуары).
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1990. 917 с.

4. Белый А. Начало века. Воспоминания. В 3 кн. Кн. 2 / Редкол.: В. Вацуро, Н. Гей, Г. Елизаветина и др.; Вступ. статья, подгот. текста и коммент. А. Лаврова. М.: Худож. лит., 1990. 687 с., ил., портр. (Литературные мемуары).

5. Сардарян А.Р. 100 великих историй любви. М.: Вече, 2005. 184 с.

6. Андрей Белый: pro et contra / Сост., вступ. статья, коммент. А.В. Лаврова. СПб.: РХГИ, 2004. 1048 с. (Русский путь).

7. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Эксмо, 2007. 736 с.

8. Иваницкая Е. Воздушные замки Афлатуни [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://prochternie.ru/reviews/28431> (дата обращения: 15.11.2017).

**ANDREI BELY AND SERAPHIM SERY
(A COMMENTARY ON ONE OF THE IMAGES IN SUKHBAT AFLATUNI'S TRILOGY
«ADORATION OF THE MAGI»)**

A.V. Emelina

The article considers the issue of the hero's prototype in Sukhbat Aflatuni's trilogy «Adoration of the Magi» (the novel «Melchior»). Particular attention is paid to the concepts of «prototype» and «literary hero». The semantics of the name is analyzed, the connection with Andrei Bely's biography is revealed on the basis of the poet's autobiographical trilogy and the reminiscences of his contemporaries (Z. Gippius, N. Otsup, I. Ehrenburg), the role of the character in the plot and the composition is established. As a result of the analysis, it is concluded that the trilogy creates an image that harmoniously combines fictional features and some traits of a real person.

Keywords: Sukhbat Aflatuni, trilogy «Adoration of the Magi», prototype, Andrei Bely, literary hero, Seraphim Sery.

References

1. Aflatuni S. Poklonenie volhvov. M.: RIPOL klassik, 2016. 720 s.

2. Belyj A. Na rubezhe dvuh stoletij. Vospominaniya. V 3 kn. Kn. 1 / Redkol.: V. Vacuro, N. Gej, G. Elizavetina i dr.; Vstup. stat'ya, podgot. teksta i komment. A. Lavrova. M.: Hudozh. lit., 1989. 543 s., il., portr. (Literaturnye memuary).

3. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka: 70 000 slov / Pod red. N.Yu. Shvedovoj. 23-e izd., ispr. M.: Rus. yaz., 1990. 917 s.

4. Belyj A. Nachalo veka. Vospominaniya. V 3 kn. Kn. 2 / Redkol.: V. Vacuro, N. Gej, G. Elizavetina i dr.;

Vstup. stat'ya, podgot. teksta i komment. A. Lavrova. M.: Hudozh. lit., 1990. 687 s., il., portr. (Literaturnye memuary).

5. Sardaryan A.R. 100 velikih istorij lyubvi. M.: Vechе, 2005. 184 s.

6. Andrej Belyj: pro et contra / Sost., vstap. stat'ya, komment. A.V. Lavrova. SPb.: RHGI, 2004. 1048 s. (Russkij put').

7. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya versiya. M.: Ehksmo, 2007. 736 s.

8. Ivanickaya E. Vozdushnye zamki Aflatuni [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://prochternie.ru/reviews/28431> (data obrashcheniya: 15.11.2017).